

Кирилл Соловьёв: «Дело Мясоедова» и особенности российского конституционного строительства начала XX в.⁷⁰

Kirill Soloviev (HSE University, Moscow, Russia; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): «Myasoedov's case» and the peculiarities of Russian constitutional construction at the beginning of the 20th century

DOI: 10.7868/S3034579025060193

Изучение «дела Мясоедова», неоднократно изложенного в историографии, требует особого авторского ракурса, позволяющего не повторяться и, что ещё важнее, в малом увидеть большое. А.М. Попов предложил взглянуть на него как на эпизод межведомственной и политической борьбы, в которой министры сталкивались с министрами, партии с партиями, правительство с депутатами, все — со всеми, включая прессу, общественные организации и съезды и т.п. Между революцией 1905–1907 гг. и Первой мировой войной в России родилась публичная политика, и это существенно изменило правила игры — заметно увеличилось число участников законотворческого процесса, возросло значение общественного мнения, с которым так или иначе приходилось считаться и правительству, и представительным учреждениям.

Попов исследовал колоссальный корпус источников из трёх архивов, просмотрел около 20 газет, основательно проработал лишь частично опубликованные и поразительные по информативности дневники А.А. Поливанова, позволяющие заглянуть за кулисы управления государством. Анализируя их, историк сделал ряд интересных наблюдений о тесном взаимодействии правительственныех и думских кругов и порой непримиримых конфликтах между бюрократическими структурами. Впрочем, и депутаты чаще всего занимали отнюдь не конструктивную позицию. В итоге торжествовал плавтовский принцип «человек человеку — волк», что заставляет думать об обречённости строя, неизбежно подразумевавшего «войну всех против всех».

Политическая система Российской империи той поры была довольно сложно устроена: этот слоёный пирог пекли десятилетиями, и каждый новый слой нарастал над старым, не упраздня его. Так, даже после 1905 г. руководители ведомств мало зависели от председателя Совета министров и отнюдь не всегда координировали с ним свои шаги. В некоторых случаях их назначения осуществлялись помимо желания главы правительства, являвшегося объединённым лишь отчасти⁷¹. В то же время думские фракции были слабо организованы и плохо дисциплинированы. В особенности этим отличались октябрьцы, балансирующие на грани развала с 1906 г.⁷² По сути, шла сложная игра с постоянно менявшимися правилами и множеством фигур разной величины: и отдельные депутаты, и их группы, и «кабинет» и его члены. Порою между ними выстраивались самые причудливые альянсы. В апреле 1912 г., открывая кампанию в прессе против В.А. Сухомлинова, А.И. Гучков рассчитывал поддержать премьер-министра В.Н. Коковцова в его противостоянии с гене-

⁷⁰ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

⁷¹ Соловьёв К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 133–143.

⁷² Там же. С. 167–187.

ралом⁷³. Расчёт оказался неверным, и вскоре военный министр праздновал победу, хотя, возможно, она и стала пирровой. И в правительстве, и в Государственном совете многих разочаровало увольнение его помощника Поливанова, близкого к Гучкову⁷⁴.

Государственная дума, конечно, не была всемогуща, однако представляла собой тогда значимый, самостоятельный центр силы, наделённый бюджетными правами, которые позволяли и Сухомлинову, и его коллегам с выгодой для себя маневрировать между «скаредным» министром финансов и порой более щедрыми народными представителями. Собственно и активное вмешательство Думы в военные дела объяснялось не доброй волей П.А. Столыпина, а наличием у неё бюджетных полномочий. Определяя сметы военного и морского ведомств, она могла корректировать их политику, настаивать на предоставлении долгосрочных программ и т.п.

Устойчивой поддержки в Думе у правительства не было ни при Столыпине, несмотря на все его усилия, ни после него. В условиях, когда законодательные палаты играли двойственную роль политического и корпоративного представительства⁷⁵, любое голосование превращалось в комбинацию депутатских договорённостей и частных интересов. Его исход не гарантировал даже соглашение фракций, которого трудно было добиться, особенно если речь шла о каких-то совместных действиях. Систему ещё более усложняло и запутывало то, что в центре её стоял император, от которого многое зависело, поскольку и тогда, когда он предпочитал молчать, окружение пыталось угадать его желания и мысли, подчиняя им логику своих решений.

В результате политический процесс был слабо упорядочен, не всегда предсказуем и в известной мере хаотичен. Его нельзя описать с помощью бинарной конструкции, где есть белые и чёрные, сторонники царской власти и её противники, правительство и оппозиция. Своеобразное «броуновское движение» той поры легче понять, если учесть, что ключевые игроки выстраивали между собой договорённости, обмениваясь услугами, достигали компромиссов и некоего баланса интересов. Так складывались сетевые связи, в которые включались бюрократические учреждения, депутатский корпус, разнообразные группы влияния, лоббистские объединения, региональные элиты, органы печати.

Поэтому роль и возможности высших государственных учреждений не стоит преувеличивать, но и не надо преуменьшать, как это иногда делается в книге Попова. Тот же Совет министров с октября 1905 г. уже не являлся сошвешательным органом, но играл роль правительства, которое до того времени в Российской империи фактически отсутствовало. Конечно, его прерогативы определялись в законодательстве без должной конкретизации, а некоторые правовые нормы их заметно ограничивали, закрепляя, например, особый статус глав военного, морского и внешнеполитического ведомств. И всё же политическая система, юридически оформленная в 1905–1906 гг., нуждалась в координационном центре, способном вести диалог с депутатским корпусом, так как сама природа конституционной монархии подразумевала, что

⁷³ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции / Отв. ред. В.В. Шелохаев, сост. К.А. Соловьёв. М., 2014. С. 237.

⁷⁴ Там же. С. 241.

⁷⁵ Соловьёв К.А. Парламент империи или парламент против империи // Новое литературное обозрение. 2024. № 188. С. 60–65.

император не несёт ответственность за управление страной и не подлежит критике⁷⁶.

На практике, как верно отмечает Попов, многое зависело от личных качеств председателя Совета министров. Столыпин немало сделал для того, чтобы повысить значение данного поста. При его преемниках ситуация заметно изменилась⁷⁷. Тем не менее и под руководством И.Л. Горемыкина Совет министров оставался правительством, пускай и не всегда эффективным и консолидированным. Проблема же заключалась не в его притязаниях на власть, а скорее в том, что многое препятствовало осуществлению им своих прямых обязанностей, в особенности в условиях Первой мировой войны. Ведь существование объединённого правительства сочеталось с сохранением всеподданнейших докладов министров, отвечавших исключительно перед императором, который их назначал и увольнял, не всегда считаясь с мнением премьера.

После 1911 г. влияние правительства скорее уменьшалось, а главы ведомств всё чаще оказывались в «оппозиции» к председателю Совета министров. В 1914 г. ситуация усугубилась из-за предоставления обширных полномочий Ставке верховного главнокомандующего. Но и депутаты Государственной думы были обижены ограничением своей деятельности в условиях войны. Иными словами, со временем правила политической игры только усложнялись, а внутренние конфликты обострялись.

Причём все эти процессы разворачивались в публичном поле. Попов пишет о том, что оппозиция вела информационную борьбу с режимом. Действительно, её лидеры (тот же Гучков и др.) использовали печать и общественное мнение для критики государственных учреждений, отдельных сановников и представителей «высших сфер». Однако сами они также являлись элементами того же режима. Их конкуренция друг с другом, с правительством, различными министерствами и группами интересов – специфическая черта тех лет, кстати, далеко не только российская. Парламентаризм, выборы, партийная борьба невозможны без политической торговли, когда все друг для друга – контр-агенты и вместе с тем конкуренты. В полной мере это относится и к «Союзу 17 октября», претендовавшему на роль конструктивно мыслившего партнёра исторической власти.

Не вполне точно утверждать, будто политическим партиям в ходе избирательных кампаний в Государственную думу приходилось «заискивать перед толпой». Согласно закону 3 июня 1907 г. отнюдь не «толпа» определяла исход голосования, а различные элитарные группы, представлявшие местных собственников, корпорации, органы самоуправления и т.п. В том-то и дело, что в Думе и в реформированном Государственном совете заседали отнюдь не случайные люди, а фигуры, пользовавшиеся известностью и влиянием в губерниях, имевшие прочные связи в правящих кругах. Их мнения и интересы нельзя было игнорировать. Причём у тех же октябрьистов в условиях «третьеиюньской системы» была довольно устойчивая избирательная база, так как они могли

⁷⁶ Министерская система в Российской империи: к 200-летию министерств в России / Сост. Д.И. Раскин. М., 2007. С. 113–114; Соображения министра внутренних дел по некоторым вопросам, возникающим при осуществлении высочайших предуказаний, возвещённых в рескрипте 18 февраля 1905 г. (РГИА. Библиотека. Коллекция печатных записок. № 8. С. 3).

⁷⁷ Флоринский М.Ф. Совет министров 1911–1914 гг. (Кабинет В.Н. Коковцова) // Исследования по русской истории. К 65-летию И.Я. Фроянова. Ижевск, 2001. С. 366–375.

рассчитывать на поддержку земских собраний, чей голос авторитетно звучал при проведении выборов в Думу.

В книге Попова упомянуто много имён и событий, рассмотрено немало документов, в том числе неопубликованных. Но за бесчисленными «деревьями» всё-таки должен просматриваться «лес», а за случайным, сколько бы всего от него ни зависело, — то, что связано с существенными особенностями российской истории думского периода. В монографии акцент сделан на интригах всех против всех, которые, по мысли автора, и определяли характер политической жизни начала XX в. И это вполне логично: дело Мясоедова — как раз результат подобных конфликтов, взвинченного общественного настроения и просто стечения обстоятельств. Однако это лишь часть обширной картины. Вместе с тем происходило и нечто более важное: постепенно складывался порядок взаимодействия властей, партий, общественных объединений, началось становление парламентского — по сути, обычного — права, налаживались формы сотрудничества, что, разумеется, не исключало кризисов, конфликтов, системных сбоев, внутренних противоречий. При этом межведомственные столкновения, оставшиеся России в наследство от времён, предшествовавших революции 1905–1907 гг., парадоксальным образом скорее способствовали укреплению положения представительных учреждений, умело вмешивавшихся в эту борьбу. Это был динамичный и довольно драматический процесс, развернувшийся «за два шага до бездны». Но была ли империя обречена на крушение? Думаю, нет. Обновление её политической системы, находившейся в состоянии сборки, допускало как возможности роста, так и известные риски, которые в уникальных обстоятельствах военного времени оказались чрезмерными.